

Сергей Виноградов

Тюкаяние

Великая революция:
палачи, жертвы,
наследники

Сергей Виноградов
Покаяние. Великая революция:
палачи, жертвы, наследники

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23461290
ISBN 9785448396762*

Аннотация

От автора. Я долго думал, прежде чем создать эту книгу. Ведь за 100 лет о Великой российской революции сказано и написано было не мало. А стоит ли повторяться? Вряд ли я скажу и, тем более, открою что-то новое. И всё же я её написал. Только для того, чтобы мы не забывали наше прошлое. Хорошее и плохое. И чтобы покаяться. Но покаяние, видимо, ещё только впереди. А покаяться бы надо. Хотя бы во имя будущего.

Содержание

Часть первая. Палачи и жертвы	7
Прелюдия и драма	7
Двадцать пятый	9
Сибирский тракт	11
Дорога к Октябрю	13
Сопки Маньчжурии	16
Ушёл не просто век	18
Тяжёлый выбор	19
У памяти свой трибунал	21
Двадцатый век	22
На площади Сенатской	23
Девятое января	25
Любовь и смерть	27
Поздно	30
Аврора	32
Вий	33
Опять великий праздник	35
Красный март	37
Февраль семнадцатого года	39
Баллада о вожде	41
Семь десятилетий до рассвета	44
Двадцать пятое октября	47
Две дороги	49

Издержки революции	51
Женский день	53
Восемнадцатый год	55
Ипатьевский подвал	56
Золотые погоны	58
Время выбрало нас	60
Господа офицеры	62
Не они виноваты	65
Надо верить в Россию	67
За друзей, которых нет	69
Возвращение домой	71
Мы стали теми, кем мы стали	73
Кино о прошлом	75
Когда-нибудь	77
Такая жизнь	79
Письмо домой	81
Голод	83
Мешок картошки	84
Он умер!	87
Марсово поле	89
Забывтая война	91
Август четырнадцатого	92
Утро туманное	94
Всё это уже было	96
В последний раз	97
Красное и белое	98

Брат на брата	100
Вчерашний сон	102
На Дону	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Покаяние
Великая революция:
палачи, жертвы,
наследники

Сергей Виноградов

© Сергей Виноградов, 2017

ISBN 978-5-4483-9676-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Палачи и жертвы

Прелюдия и драма

Ну, вот уже и утро, господа,
Пора бы потихоньку собираться...
Оставив на столе всё, как всегда,
Чтоб вечером в кругу друзей собраться...

Ушли они. Но вышло – на века...
В историю ушли декабрьским утром,
Красивые, весёлые пока,
Ждать с нетерпением победную минуту.

Замёрзшие полки у стен Сената
И Милорадович пока ещё живой...
Часы запущены. Не отыграть обратно
Не сыгранную драму: свой – не свой.

Сквозь снег и ветер недовольный ропот:
Пора в казармы! Помогите нам, Боже!
И свет, что пробивается из окон,
Совсем на свет надежды не похожий...

Короткий день давно уж на исходе

И нервы на пределе. Знать, беда!
Без крови междуцарствие, выходит,
В России не бывает никогда...

И выстрел грянул. В спину генералу.
Каховский, ну, а где же Ваша честь?
Но этого уже казалось мало,
Когда на ком сорвать всю злобу, есть...

Удар штыком – последняя награда...
Эх, Оболенский, Вы ведь всё же князь,
А, может быть, судьбе так было надо —
Чтоб каторгой Вы насладились всласть?

Окончена прелюдия. Не драма!
Кому-то – эшафот. Кому-то – трон.
...Из декабря октябрьское пламя
Нас подожжёт потом со всех сторон...

Двадцать пятый

Мы проиграли, понадеявшись на случай,
И утром ждёт нас с вами эшафот...
Хотя я знаю, там нам будет лучше,
Где с нами Бог. И дел не впрохот...

И там увидим мы друзей всех наших,
А здесь лишь крысы с нами по ночам...
Не верю я, что вам совсем не страшно
Кому не страшно, в снах так не кричат.

Вы это понимаете и сами...
Проплакаться нам больше не дадут
И обливаться горькими слезами,
Когда на рavelин нас поведут...

Конечно, мой дружище, жизни жалко
И молодости жалко и любви.
Поспите. До утра чуть-чуть осталось...
Жаль, не поют зимою соловьи.

Ну а потом всё будет, как и будет
И не на нас за нашу смерть вина.
Поверьте, милый друг, нас не забудет
Россия-мать, родная нам страна...

И жертвы наши будут не напрасны
И добрым словом нас здесь помянут...
На Петербург, как жизнь, такой прекрасный
Успеем мы в последний раз взглянуть...

А большего, пожалуй, и не надо
Мы сделали, мой друг, всё, что могли...
И в нашу честь ещё пройдут парады
И отдадут салют нам корабли.

И медный Пётр поймёт железным сердцем —
Нельзя свободу спрятать за стену.
О нас потом ещё напишет Герцен,
О разбудивших, спящую страну...

Не скоро это будет и не быстро,
Но верь, самодержавие снесут
И нам на нашу площадь Декабристов
Цветы потомки наши принесут...

Сибирский тракт

Везли кандалных по этапу
В Сибирь на каторгу везли...
Весь день над ними дождик плакал
Как будто слёзы всей Земли
Над Тихвином собрали тучи
Чтобы несчастных окропить
И чтобы жажда их не мучила
Воды небесной дать попить...

Сибирский тракт – судьба кому-то
Кому-то и последний путь
Без почестей и без салютов...
Судьбу, увы, не обмануть...
Стоит в ушах тот звон кандалный
Громче, чем звон колоколов.
Молитва пред дорогой дальней,
Мольба в глазах лишь, и без слов...

Как знать, кого к нам завтра снова,
Дорога эта приведёт,
Когда от станции почтовой
Очередной обоз уйдёт?...
Стою, я в веке позапрошлом
На месте том – почти святом...
У станции давно заброшенной,

Забытой, навсегда при том...

На окнах те же занавески
И всё как было, так и есть,
И даже Фёдор Достоевский
Хоть в кандалах, но тоже здесь.
Поэты здесь и декабристы,
И просто люди иногда...
И пусть тот век уже не близкий —
Он здесь остался навсегда.

Дорога к Октябрю

По Сибирскому тракту рекою
С Петербурга до края Земли
Кандалами звеня, и тоскою
По России разбойнички шли.

Их поток нескончаемо длинный
Извивался, как речка в берегах.
На привалах справлялись поминки
Сразу тут же по тем, кто в бегах...

Каждый день становилось всё меньше
Тех, кто мог до Сибири дойти,
Но могил их разбойных, конечно,
Никому никогда не найти...

А за каторжным строем кандалным
На каретах до края земли
В ссылку вечную – в каторгу дальнюю
Цвет дворянской России везли.

Тех, кто верил себе – не народу,
Кто к Сенату пришёл в декабре,
Получили за жизнь – несвободу
С разрешеньем не быть при дворе...

Кто же знал, что российскую душу
Не понять будет даже царю...
Ведь в России – хотели как лучше —
Привели не в Сибирь – к Октябрю!

Но сначала той долгой дорогой
Декабристские жёны прошли
Из дворцов Петербургских – к острогу
И Россию свободой зажгли...

Доказали себе и народу,
Что жила и живёт в нас всегда
Вера в Бога и вера в Свободу,
Ну а в добрых царей – никогда...

...Двести лет пролетело почти что
И опять снится мне в декабре,
Как по тракту сибирскому мчится
Кто-то белый на белом коне...

Может это Любовь иль Надежда?
Что в России сегодня важней?
Мы не будем такими, как прежде,
Но без Веры не станем сильней.

Без Любви и не нас, не России
Уж не будет такой, как была...
И одна лишь Надежда осталась,
Слава Богу, она хоть жива!

Сопки Маньчжурии

Там – за рекой
Мне незнакомый Китай
Сопки Маньчжурии —
Был русский ад
Теперь же кому-то рай...
Там за рекой
Время совсем не бежит
Там за рекой
Прадед мой тоже лежит...
Вот уже век
Лежит не один лишь он
И сопки Маньчжурии
Вечные стражи
Надёжно хранят их сон...
Там за рекой
Над сопками вновь туман
И каждый, кто там —
Настоящий герой
И это совсем не обман...
И будет всегда
Вас помнить всех мать-страна
На сопках маньчжурских
Ребят петербургских
Пока будет жить она...
Там за рекой

Много российских крестов
Маньчжурские сопки —
Могила не робких,
Лишь тех, кто к победам готов....

Ушёл не просто век

Ушёл не просто век. Тысячелетие
И нет царей, генсеков, и вождей...
Мы их уход торжественно отметили
Салютами и шумом площадей
Без лозунгов и без манифестаций
Без митингов. По-русски, как всегда...

За новый век давайте выпьем, братцы,
А пить за прошлый? Я бы никогда.
Оставим наше прошлое в покое...
Оставим память нашим старикам...
И не начнём век новый с перестроек —
Не будем тратить жизнь по пустякам...

Тяжёлый выбор

Четыре дамы: Революция, Реформа
И Демократия с подругой Диктатурой
Собрались как-то раз в Женеве тихой
У Века нового гульнуть под Рождество.

Играли в карты. Пили. Говорили
И про политику и про литературу...
Про то, как каждая из них жизнь понимает,
Причём своё не пряча естество...

Пожалуй, самой нервной, дали первой
Сказать, и Революция пошла
В разнос, как и всегда: я мир разрушу
До основания! И символ мой – звезда!

В ответ ей Демократия: а как же
Права людей и общества права?
Тут Диктатура влезла: От свободы —
Все беды. Быть свободной? Никогда!

И лишь Реформа скромно промолчала.
Подумала при этом: ну и дуры!
Она ж хитрее всех. И для начала
Хотя бы демократкой притворилась...

Дала свободы всем, но лишь чуть —чуть,
Потом бы осудила Диктатуру,
И с Революцией пошла на компромисс —
Рабочий класс, ведь это всё же сила...

В конце – концов в большой игре
Тот победитель —
Кто до конца умеет флиртовать,
Кто предавать умеет, и, простите,
И продаваться по своей цене...

...Что ж получается? Как не крути, всё худо!
Как из таких невесту выбирать?
Подумал Век и загрустил: Не промахнуться бы!
Ведь вся ответственность за них теперь на мне...

У памяти свой трибунал

Какое ты теперь имеешь право
Судить о том, что было, но прошло?
Делить людей на правых и неправых,
На тех, кто совершал добро и зло?

Их нет давно – ни красных и ни белых...
Зачем тебе их судьбы ворошить?
До прошлого тебе какое дело,
Оно ведь не мешает тебе жить?

Мне совесть задаёт вопросы эти,
А память моя словно трибунал...
Мне, правда, хорошо на этом свете,
Пока я полной правды не узнал.

А если вдруг узнаю, что с ней будет
С бессовестною совестью моей?
И что тогда о ней мне скажут люди,
На склоне моих столь хороших дней?

А может, впрямь, я не имею права?
Но совесть почему-то вдруг молчит...
А вдруг сама от прошлого устала?
А вдруг донос на прошлое строчит?..

Двадцатый век

Казалось это было лишь вчера...
Мазурки темп сменяли звуки вальса
И в вальсе том кружились юнкера
И весело смеялись их подруги
И от любви кружилась голова,
А может быть, вино в том виновато?
И в этот миг вступал в свои права
Век новый, век кровавый, век двадцатый...
Но ничего никто ещё не знал
И ничего никто ещё не ведал
И продолжал шуметь весёлый бал,
Встречая век, несущий смерть и беды...

На площади Сенатской

На площади Сенатской
Кружится белый снег...
Век прошлый девятнадцатый
Сменил двадцатый век...

И пляшет вьюга первая
Над городом Петра.
И что грядёт, не ведая,
На Невском юнкера
Гуляют с гимназистками...
Шампанского река...
Война ещё не близко —
Глядит издалека

На юных и счастливых
И знает наперёд,
Что мальчик этот милый
Уж точно не умрёт.
И этот – скромный слишком,
Вернётся из похода...
А остальные – в списке
Семнадцатого года...

Хоть и войны герои —
Расстреляны в ЧК...

Что ж, веселитесь, мальчики!

Вы живы все пока...

Девятое января

У Александрийского столпа
Барышни нарядные гуляют...
На Дворцовой площади толпа
И ещё пока что не стреляют.

С Невского народ всё прёт и прёт
К батюшке-царю спешит за правдой,
Позабыв, как сам его зовёт —
Николай Второй или Кровавый.

Быстро он, видать, забыл Ходынку,
Море трупов, как и море слёз.
Снова на свои спешит поминки,
Несмотря на холод и мороз.

У дворца их ждут уже казаки
А вот царь, похоже, их не ждёт.
Ружья приготовлены к атаке...
На коленях молится народ
За свои, за души, убиенные,
Скоро им лететь на небеса.
Может быть, уже через мгновение
В стоны превратятся голоса.

...Барышни, здесь вам совсем не место,

Только смерть вам видеть не хватало!
Скоро будет здесь не суд небесный —
Царский суд. И как всегда кровавый.

Едем же, уж кони застоялись.
Вам куда? Ах, в Смольный институт...
И уже потом нам в след раздались
Выстрелы, как траурный салют...

Любовь и смерть

В Санкт-Петербург
Опять пришла зима.
Мы по Неве несёмся
В нашей тройке.
Мы все сошли
От красоты её с ума.
От предстоящей
Дружеской попойки.

Мы встретим новый век
И новый год
Под перезвоны
Пенистых бокалов.
Потом наступит
И любви черёд,
Пока нас с ног
Не свалит вдруг усталость.

Ночь пролетит,
Но не двадцатый век.
А он уже готовит
Место лобное
Для каждого из нас.

А мы же с ней,

С той женщиной,
Почти богоподобной,
Остаток наших,
Богом данных дней
Готовы провести.

И будь что будет!
Но будет там нам
С ней не по пути
И только сердце
Наше не забудет
И всё поймёт,
А может и простит...

Ведь кто мы для неё:
Не офицеры,
Почти мальчишки,
Просто юнкера.
Вина без меры
И любви без меры.
Всё это для неё
И нас – игра...

...И лишь потом
В кровавом октябре
Поймём, когда
Мы вновь её увидим:
Нас маузер её
В её игре

Уже тогда

Любил и ненавидел...

Поздно

Сто лет назад в таком же январе
В сыром и неуютном Петрограде
Жил был поэт. Сидел в своей норе
Страдал и пил и жил лишь Музы ради...

А за окном серебряный был век
И снег под солнцем ярко серебрился
И был поэт тот странный человек,
А может быть, он только притворился,
Что он поэт? Он в рифмах своих – Бог.
Он Ангел и Предвестник дней грядущих...
И скоро он напишет эпилог
Про всех, про нас по Невскому бредущих

Толпой слепой навстречу новым дням
И новым революциям и бедам.
Не внемлем мы пророческим устам,
Что натворим, пока ещё не ведаем...

Зря спрашиваем: кто он – тот поэт?
Он лишь поэт. К чему все разговоры
Быть может жить ему осталось лет
Всего-то лишь до выстрела «Авроры»...

А через год иль два – январским днём

Таким же, как сегодня. Днём морозным
Мы вспомним в каземате вдруг о нём,
Поверившие в Бога. Только поздно...

Аврора

Средь мрачных туч пробилась в мир аврора —
Предвестница очередного дня...
Стоял октябрь. И кто бы знал, что скоро
Аврора станет – символ Октября...
И кто бы знал, что выстрел над Невою
Приход эпохи новой возвестит...
И будет в той Авроре что-то злое,
И прошлое она нам не простит...
И каждый новый утренний рассвет
Уже не будет нам давать надежды
Ещё на много, много, много лет
Увидеть ту аврору, как и прежде...
Вновь радоваться сердцем и душой,
Как после ночи солнце к нам приходит,
Опять теплом согреет мир большой,
И веру в доброту вернёт в народе...

Вий

Последний год жила Россия
Как было в ней заведено...
Читала Гоголя про Вия,
А Вий был в нас давным-давно...

Ходил незримо вместе с нами
По кабакам и по бегам,
И в Первомай под красным знаменем
Врагов бить первым предлагал...

Шумела в праздники столица,
Хотя и был разгар войны.
И лица! Ах, какие лица!
И в них ни капельки вины...

А Вий вокруг ходил довольный
И всех их в списки заносил.
Ох, как им скоро будет больно!
Кричать и то не будет сил...

Пока же есть и хлеб и дело
Пока январь. Последний год...
Но всем, как видно, не терпелось
Прибавить в будущее ход...

И всем хотелось изменений —
К примеру, нового царя...
Но тут пришёл товарищ Ленин —
Наш главный Вий. И с Октября
Что будет дальше, всё мы знаем...
Забросим Гоголя. И вот
Лишь год на новый поменяем,
Пойдём – одни на эшафот —
На нашу Русскую Голгофу...
Другие дружною толпой
В свой коммунизм за новым богом...
А мы, куда пойдём с тобой?

...Сто лет стоим на перепутье
И выбор вроде есть, и нет.
Пойдут одни – туда, где Путин...
Другие – лишь посмотрят вслед...

Опять великий праздник

На площадях Москвы опять знамёна —
Столица празднует в девяносто восьмой раз
Октябрь Великий. И не вспомнит поимённо,
Как и всегда, о многих, тех из нас,
Кто для него был лишь белогвардейцем
Совсем не русским в сердце и душе...

А им останется на Бога лишь надеяться,
Что на столетнем близком рубеже
Не по цветам, а по годам все приберутся
На небе будут праздновать свой день
В надежде, что уж там не подерутся
И бога низвергать им будет лень...

Закончим век ненужных революций,
Братоубийственных и лозунгов и бойнь
И будут предназначены салюты
Всем тем, кто был и есть всегда с тобой,
С тобой моя Россия – мать-Россия!

Пусть в красный цвет тебя рядят опять
Иные, и давно уж не земные,
Не повернуть историю им вспять.
К столетию великих потрясений
Уйдут они. Останется народ.

И новый вождь, тех, новых, поколений
Их в год семнадцатый уже не приведёт...

Красный март

В Петрограде февраль. До весны полнедели
И весна вроде близко, но метёт и метёт...
Как же нам надоели и февраль и метели
Только к нам вместо марта
Кто-то в красном идёт...

Может, это весна нарядилась вдруг в красное?
Может, новая мода во всём красном ходить?
Только сердцем я чувствую
В красном что-то опасное,
Хотя сердце не может это мне подтвердить...

Говорят, красный цвет – цвет, любимый в России
Это цвет красоты и, конечно, любви...
Если бы вы меня не сегодня спросили,
Я быть может ответил вам, но не так, как мне вы...

Ведь всю правду о красном
Мы узнаем чуть позже...
А пока красный март в феврале к нам пришёл
И пока не царя в марте мы уничтожим
А себя и империю. Так, чтоб Бог не нашёл...

Но недолго свободе, в её красных нарядах,
По проспектам гулять в Петрограде моём...

И заменит на кровь нашу красную радость
Скоро Красный Октябрь. Лишь тогда всё поймём...

Февраль семнадцатого года

Повторяется всё
В нашей жизни когда-то.
Вот и снова февраль.
Вновь семнадцатый год.
Я молоденький юнкер
У дворцов Петрограда
В толк никак не возьму,
Что ж ликует народ?

Почему наполняются,
Словно кровью, знамёнами,
Раньше тихие улицы
И большие мосты?
Лишь в часовне на Невском
Тишина пред иконами,
Ну а толпы вокруг
Вслух поносят святых.

Да откуда им знать,
Что российская драма
Началась в это утро.
С отреченьем царя!
Будет время и Русь,
Словно пьяная дама,
Вдруг проснётся с похмелья

Где-нибудь в лагерях.

Никогда ничего

Не проходит бесследно —

Ни триумф палачей,

Ни духовный разброд...

Просыпаюсь я утром,

А над Всадником Медным

Вместе с солнцем встаёт

Тот семнадцатый год...

Баллада о вожде

Жил человечек маленького роста
Учился в школе. Задавал вопросы
Искал пути и сам их находил...
И брали Зимний brave матросы
И оказалось быстро всё и просто
А маленький невзрачный человечек
Из Смольного уже руководил...

Всё это будет – позже лет на десять
Но час его покуда не пришёл,
Да и себя ещё он не нашёл,
Да и народу был не интересен...

А между тем, набрав ума и силы,
Немного полысел и постарел...
Жаль, пятый год в Женеве вместе с пивом
По молодости – просто просмотрел...

Россия пошумела, покричала,
Но без него. И спать легла опять.
Не зря же он марксизм учил на «пять»
И без неё решил – начать сначала...

Чтоб разбудить её, как раньше Герцен,
Подняв толпу – разрушить всё мечтал....

Он о России думал. Но не сердцем,
Он цифрами Россию просчитал...

И никогда не помышлял, не ведал,
А что в его – безбожника – душе?
И осенью в промёрзшем шалаше
Он план другим безбожникам поведал...

Потом был залп «Авроры» поздней ночью
Потом экспроприации, ЧК, царя в расход
Отправил лично. Точно.
Не будет же в России врать народ...

И цифры, цифры – пирровой победы
И беды, беды. Слезы. Кровь. Война
Оставила свой след на век. А следом
Пошёл в стране Великий балаган...
И где же ты была Фани Каплан,
Когда всё это и не начиналось?

А вот и Горки и он сам – усталый
От прошлых дел и будущих забот...
И тишина. Рыдающий народ...
И человечек маленький в Колонном
Лежит один. Он страшно одинок...

И даже с ним поступят беззаконно,
Чтоб даже мёртвым – мёртвым быть не мог...
Оставят зреть его – в пример потомкам

В укор другим – не верившим в Итог.

Итог же оказался предсказуем
И маленький вот этот, человек,
Расправившийся с первыми буржуями,
Не думал их увидеть через век.

Но всё пошло не так. А он лежит
Как и лежал в своём костюме строгом.
Он получил сполна, что заслужил
От партии своей. Но не от Бога...

Семь десятилетий до рассвета

Холодный ветер
Нервно дул с Невы...
Октябрь. Ночь.
Костры. И разговоры
О мире и земле.
И залп «Авроры»
Сквозь шорох
Опадающей листвы....

И где-то далеко
Опять стреляли...
И к Смольному народ
Толпой валил.
И гений
Революцию творил
И по его приказу
Зимний брали...

И был четверг.
Недели середина.
И всё что было —
Всё уже Ничто.
Пришли Никто.
И стали всем зато!
Всё остальное

Мелочь и рутина.

Закрытые
Купеческие лавки,
Декреты,
Что на стенах и столбах...
И первые убитые
В гробах...
И насмерть
Перепуганные шавки...

Таким проснулся
Утром Петроград
И не узнал он
Сам себя, похоже.
Всё те же шли
По улицам прохожие,
Но почему-то
Был никто не рад...

Свершилось!
Нет царя и нет министров!
На смену им
Совдепия пришла.
И что страна искала,
То нашла —
Вместо свободы —
Тиранию коммунистов...

Вместо земли и хлеба —
Продотряд...
И вместо мира
Брат пошёл на брата...
Вместо попов и храмов —
Медсанбаты...
И вместо Петрограда —
Ленинград...

И в Смольном – Ленин.
И вся власть – Советам!
И вместо триколора —
Красный флаг....
Октябрь. Ночь.
Костры. Потом Гулаг...
И семь десятилетий
До рассвета.

Двадцать пятое октября

Каждый год в двадцать пятую ночь октября
Кто я есть, я во сне забываю,
То в Казанском соборе вдруг молюсь за царя,
То, подобных себе, убиваю...

Между красным и белым моя рвется душа,
То печалится, то, словно стерва,
Без суда и без следствия чьи-то судьбы решать
Она вдруг вызывается первой...

И откуда в душе столько злобы и зла?
Словно с богом она не общалась,
Не с её ли команды меня пуля нашла
И в награду за верность досталась...

И под Царским селом я упал мёртвым в снег,
Но она знать меня не хотела —
Я не правильный был для неё человек.
Без души закопали. Лишь тело...

Без молитвенных слов, не поставив креста.
И таких нас, бездушных, мильоны,
Но ведь души, восставшие против Христа,
Вряд ли будут когда-то прощёнными...

...Может быть от того в эту ночь октября
Я во сне своём вновь повторяюсь,
Потому что надеюсь, что, быть может, не зря
Я уже почти век умираю...

Две дороги

В поле белом, в поле чистом
Встретились два коммуниста
И дорога их лежала
Далеко за горизонт.

Был январь. Стемнело быстро
Да и вьюга набежала
И идти вперёд, похоже,
Вовсе даже не резон...

Далеко за далью далей
Коммунизм, но ведь устали?!
Недалёко за пригорком
Крест виднелся – Божий храм...

А в Кремле товарищ Сталин
И товарищ Ленин в Горках,
Но до них уж не добраться
Ни метели, ни волкам...

И куда ж идти? Дорога,
Что короче – прямо к Богу,
А другая мглою скрыта,
Можно запросто пропасть.

За идею умирало
На полях таких же много.
Так что быть идеалистом
Значит, прямо волку в пасть...

И решили без утайки —
Хватит с нас кремлёвской пайки!
Коммунизм – всё это байки,
Натуральная туфта!

Повернули ноги к Храму,
Ведь крестила ж в детстве мама!..
Может всё-таки и примет
Бог? Пусть даже без креста...

Издержки революции

Гражданочки, у нас теперь свобода!
Кричал с трибуны явный ловелас.
Но в октябре семнадцатого года
Другой ему пришёл на смену класс.

– Товарищи, долой буржуев свору!
Теперь вы все для каждого из нас...
История попёрла сразу в гору,
Когда легло полкласса на матрас.

Теперь же говорим мы про издержки
И не ищите в правде вы изъян.
Ведь было: комиссарши и консьержки
Вставали в очередь с утра к чужим мужьям...

Ведь революции нужны и командиры,
И те нужны, которых бы вели,
И вот по разнарядке шли в квартиры
Чужие жёны, но не за рубли...

Не говорите: это же позорно!
Ну, перегнули кое-что в ЦК,
Ведь есть у них отдел по беспризорным
И всё, как видите, у партии в руках...

Простите, ради бога, за издёвку,
Всё было – всё прошло. Что говорить,
Но только мне за партию неловко,
Глядишь, могли б Европу покорить...

Женский день

...Петербург. Начало века.
Пролетарками забит
Невский весь.
Все с красным в красном.
Только Бог один скорбит...

В революцию шагает
Дружным шагом наш народ.
Ну, а праздник? Праздник будет!
И его придёт черёд...

...Революцию свершили.
Очень весело зажили —
И конечно праздник этот
Стал на праздник чуть похож...

Дружно помитинговали.
О победах доложили,
А потом, ну, мы ж в России,
Море праздника и рож —
Полупьяных, даже пьяных.
В общем, кто во что горазд.
Год и сорок поздравляли —
Пели. Пили.
Каждый раз...

.... Власть сменилась.
Век сменился.
А восьмое марта вновь
Ждём мы также как и ждали.
И готовим море слов...

Вместо митингов – подарки...
Вместо орденов – цветы...
И давно не пролетарский —
Праздник женской красоты!

...И пусть Бог его не любит,
У него свои есть дни.
Женщин обижать не будем —
Он такой один у них!

Восемнадцатый год

По заснеженным тропам мчатся кони лихие
И в едином порыве брат на брата идёт...
И кровавой метелью по голодной России
Закружил чумовой восемнадцатый год.

Перепутал нас всех. Всё в России смешалось.
Белый, красный, зелёный —
Цвет священных знамён...
Сколько страшных грехов этот год совершалось
И в степях растопталось безымянных имён...

Сколько судеб людских на полях тех осталось...
Сколько бедных сирот появилось и вдов...
А проклятой войне даже этого мало —
И безумством объятые в схватке сходимся вновь...

Ипатьевский подвал

Ипатьевский подвал.
Нет «лучше» места:
Ни смеха палачей.
Ни стога жертв.
Не слышно ничего.
И неизвестно,
Как чувствовал
Себя в нём изувер,
Поднявший руку
На Царя и Веру?

Опять июль.
Такой же, как тогда.
Где тот стрелявший,
Веривший без меры,
В свою непогрешимость?
Но года,
Расставили всех
По делам их бравым.
Позволил Бог
Поцарствовать им всласть,
Но кончилась
Эпоха для не правых!
Для убиенных —
Только началась...

И на крови невинных
Храм поднялся
И мой народ с колен
Подняться смог.
Того же,
Кто в подвале том смеялся,
Не вспомнит ни народ,
Ни даже Бог...

Золотые погоны

Золотые погоны,
Аксельбанты витые.
Час назад мы всего-то
Были лишь юнкера,
А теперь, когда мы
Присягнули России,
Нам неважно совсем,
То, что было вчера...

Мы сегодня другие.
Мы её офицеры.
Мы России готовы,
Как и деды, служить.
Мы готовы служить
Своим внукам примером...
Только многим до внуков
Не удастся дожить.

Не удастся за Веру,
За Отечество наше
Послужить, как хотелось бы,
Не за деньги – за честь!
В Петрограде сыром,
Красным цветом окрашенном,
Для таких юнкеров

Каземат уже есть...

Так что, милый поручик,
Даст Бог, свидимся снова,
Может, где-то в Париже
Иль у Бога в гостях,
Если нам не дано
Будет им же иного...
Впрочем, смерть за Россию
Не такой уж пустяк!

Время выбрало нас

Время выбрало нас
Не любить, а страдать.
Время выбрало нас,
Чтобы жизни отдать
За Россию твою,
За Россию мою.

Я за нашу Россию
Бога тихо молю,
Чтобы капельку счастья
Дал он нашей стране,
Ну, а если погибнуть
Суждено на войне
Нам с тобою, поручик,
Значит, это судьба.

Значит, время пришло.
И зовёт нас труба
На последний наш бой.
Ты, поручик, не трусь —
Нас не будет с тобой,
Но зато будет Русь!

А над нами берёзы
Будут вечно шуметь...

Хорошо б на том свете
Русь такую иметь!

Господа офицеры

Господа офицеры,
Наше время проходит.
И осанка не та,
Да и удаль не та.
За Россию напрасно
Погибали, выходит?
Да и жизнь наша нынче
Лишь одна суета...
Поседели виски,
Полиняли погоны.
С них осыпалось золото,
Словно пыль, навсегда.
А в далёкой степи
Наши спят батальоны,
Лишь они из России
Не ушли никуда...

Ну, а мы, как изгой,
Вечно бродим по миру.
Без семьи, без Отчизны
Мы остались давно.
И теперь комиссары
В наших тёплых квартирах
С теми, кто был нам предан,
Пьют сегодня вино...

Мы же пьём от тоски
По российским дорогам,
По российским берёзам
И любимым глазам.
К сожалению, мы
Потеряли так много —
Сохранили лишь честь
И любовь к Образам...

Даже Бог нас покинул
В страшный час испытаний
Нам никто не помог,
Но мы живы ещё.
И пусть вся наша жизнь
Состоит из страданий
Никогда мы России
Не предъявим свой счёт...
Ни за муки свои,
Ни за слёзы скупые,
Ни за сны и мечты,
Ни за трупы во рвах,
Но мы верим:
Вернутся и в Россию святые,
Вновь кресты заблестят
На российских церквах...

Наши женщины нас
Всех простят, если смогут,
Если любят и помнят,

Примут нас и поймут.
Ну а если забыли,
Пусть не судят нас строго
Мы их тоже не судим.
Есть один – Божий суд...
Пусть они позабыли всех нас
В вечной разлуке,
Пусть устали нас ждать
Из далёких краёв,
Только мы по ночам
Целовали их руки,
Пусть во сне, но жила
В душах наших любовь....

Господа офицеры,
Так что выпьем без меры
За любимых, которых
Мы любили всегда,
За Россию, которую
Почитали, за Веру,
За Надежду, за Честь,
И за тех, без креста...

Не они виноваты

Если в этой стране
Воздвигают на лжи монументы
И неправда вдруг правдой
Становится в этой стране,
Если правду скрывают от нас по архивам,
Как и киноленты,
О великой забытой на годы
Той первой войне —
Это значит, кому то так надо
И очень удобно —
Возвеличить неправду,
Поражение в миф превратить
Наших первых и славных побед —
Как в сраженьях под Псковом.
А потом его сдачу,
Как начало —
Бесчисленных первых лишений и бед...

Как бы ни было там – к монументу под Псковом
Мы приносим цветы в феврале
Павшим красным бойцам.
Там их много лежит – кто сложил свою голову
В этих псковских местах,
Где и я побывал как-то сам...
И услышал от тех стариков,

Доживающих жизни,
Что всё было не так,
Но на тех, кто здесь пал, нет вины...
В поражении том
Или всё-таки в нашей победе
Не они виноваты —
Злые Гении этой страны....

Скоро сто уже лет,
Ну, а мы до конца и не знаем
Правды всей, кто был прав,
Ну, а кто виноват?
На историю нашу
Головой, как обычно, киваем
Виноватых, мол, нет...
И народ тому рад...
Примирения нет,
Что для ныне живущих опасно,
Потому, что тогда,
Всё с того же у нас началось:
Поделили народ
И на белых и красных...
Кто же будет забыт
В этот день снова нами из них?

Надо верить в Россию

Господа офицеры,
Надо верить в Россию,
Если мы не вернемся,
Значит так суждено.
За себя мы у Бога
Никогда не просили
За родную страну
Попросить не грешно.
Мы попросим у Бога
Дать ей капельку Веры,
Дать немного Надежды
И немного Любви.
И поменьше страданий,
Их уж было без меры,
И чтоб больше она
Не умылась в крови...

Остальное придёт.
Вновь поднимутся Храмы
И кресты заблестят
На святых куполах.
Канут в лету навек
Коммунисты и хамы,
И забудут в России
Об их страшных делах...

И восстанет Любовь,
Возрождённая Верой,
И Надежда вернётся
Снова в души людей,
Ну, а мы не вернёмся —
Небольшая потеря.
Будет много других
Офицеров у ней...

За друзей, которых нет

Давайте выпьем, господа,
За Веру нашу!
Её мы сохранили и не зря.
Помянем убиенного царя,
И всех других,
От рук Иуды павших.

Ведь верим мы,
Что день ещё придёт,
Когда опять
Откроют двери храмов,
Закончится невиданная драма,
И Божий суд
Нас каждого найдёт.

Кто прав, кто виноват —
Пусть Бог рассудит,
На белых и на красных не деля.
И всех нас приберёт
Одна земля —
И будем не солдаты в ней,
А люди...

...Пока же молча пьём за упокой
Друзей, которых нет

Сегодня с нами.
Фуражки снимем
И приспустим знамя,
Слезу предательскую
С глаз смахнув рукой...

Возвращение домой

Вы остались верны
И России и Вере
И присяге своей
Вы остались верны,
Вы теряли друзей,
Но оплавав потери,
Снова в бой поднимались
Ради счастья страны.

Ради общей свободы,
Ради Чести и Веры,
Ради русских полей,
Где друзья полегли.
Вы тогда проиграли
И пришли изуверы,
Уничтожив в России всё,
Что только смогли.

Посрывали кресты,
Испоганили Храмы,
И священников наших
Расстреляли в ЧК.
Хоть не видела Русь
Такой жертвенной драмы,
Но не верила в то,

Что так будет века.

...И случилось всё то,
Что предписано было
И Донской монастырь
Принял вас как родных.
Ведь Россия-страна
Всех вас тайно любила.
Вы солдаты – для нас,
Для неё вы – Сыны...

Мы стали теми, кем мы стали

Мы были все идеалистами
Во чреве матери родной.
А стали – кто-то коммунистами,
А кто-то всей стране виной...

Мы в детстве были все прекрасными,
Но повзрослели в тот же час,
Когда вдруг стали кто-то красными,
А кто-то – белыми из нас...

Когда судьбу одной России
Мы разделили на двоих
И разрешенья не спросили
На это мы у мам своих...

Ну, а теперь, уж слишком поздно
И слишком много на руках
Невинной крови. Даже слёзы
Их не отмоют и в веках...

И лишь, когда мы наши души
Себе с раскаяньем вернём,
Когда друг друга будем слушать
И слышать, а не жечь огнём
Россию мать. Нас наши мамы

С высот небесных всех простят
И неразумных и упрямых,
Конечно, если захотят.

Как и загубленные души
Под Краснодаром и в Крыму...
Выходит, подвиг наш не нужен
Теперь в России никому?

Кино о прошлом

Мы смотрим хронику семнадцатого года
И в кинозале только старики...
Там за стеной октябрь и непогода
А здесь собрались давние враги.

Рядком сидят седые комиссары
И бывшие поручики сидят,
А на экране бой под Краснодаром.
Давно известно, чьи в нём победы...

Так может быть не надо наше прошлое
Как и людские души ворошить?
Ведь было и у нас чуть-чуть хорошего,
Хотя пришлось по-разному нам жить.

А, может быть, и надо, потому что
Иначе нам друг друга не понять,
Иначе будет совесть снова мучить
И снова на врагов нас разделять...

Жаль, нет среди нас тех правых и не правых,
Их, Родину любивших, нет давно.
Они себя давно покрыли славой,
А мы о правде спорим всё равно.

Но, слава Богу, не в огне сражений,
За чашкой чая дома и в тепле.
Мы долго ждали этого мгновения,
Полвека проведя в чужой земле...

...Октябрьский ветер раздувает триколоры
И в золоте кресты на куполах...
Ну, наконец-то, кончены все споры
О том, кто в Октябре том был не прав...

В последний раз картинки прошлой жизни
Мы смотрим, и слезу смахнув из глаз,
Себя на мысли ловим: в коммунизме
Не выжил бы ни кто и дня из нас...

Когда-нибудь

В белом поле красный снег.
Приспущены знамёна...
А на небе, вот уж век
Со списков поимённых
Отпевают души тех,
Без вины пропавших:
Красных, белых,
В общем всех,
За Россию павших...

Много было
Жертв безвинных
Много было и атак.
Видно список
Очень длинный
Нет конца ему никак...

Мы их тоже
Не забудем,
И судьбу
Не будем злить,
И Россию-мать
Не будем
Между братьями делить...

Ни на белых,
Ни на красных,
А иначе пропадём.
И когда-нибудь
К ней вместе
С покаянием придём...

Такая жизнь

Три месяца без новой красной власти
Наш город жил. Почти, что повезло.
И всем уже казалось, то несчастье,
Что было в октябре, нас обошло,
Что доживём спокойно мы до лета,
Что не оставит город Божья мать,
И что не будет никаких Советов,
И хлеб ни кто не будет отнимать...

И будет всё, как было, всё, как прежде.
Как жили мы при батюшке царе,
Ходили в храм за верой и надеждой,
Но март уже был на календаре.
Потом пришёл к нам в город бронепоезд,
Привёз солдат и «Правду» нам привёз.
Потом закрыли храм, отняли волю,
Забрали хлеб, оставив море слёз...

А чтобы просвещёнными мы были,
Отправили нас всех гурьбой в ликбез,
Чтоб вместо бога партию любили
И чтобы прославляли до небес.
...И стало в нашем городе вновь тихо,
Осталось только спать и водку пить,
И песни петь про горяшко и лихо,

Про то, как нам Совдепию любить...

Письмо домой

Ты не плачь обо мне понапрасну
А не то, впрямь, накликаешь бед...
Если спросят: воюет у красных?
Загляни к свояку в сельсовет
И скажи ему: вроде негоже
Забывать, что мы всё же родня...
Поклонись ему, может, поможет
И привет передай от меня.
Может хлеба найдёт он немного
И протянете вы до весны,
Ну а там всё зависит от бога,
Да и мы возвратимся с войны...

Я вернусь, заживём мы богато,
Есть земля, руки есть, что ещё?
И не хуже, чем жили когда-то,
Ну а прошлые слёзы не в счёт...
Если спросят: твой Ванька у белых
И, быть может, уже генерал?
Мол, советская власть проглядела
Кулака, а он взял и удрал...
Промолчи. Наплевать на их гонор.
Не известно, чья сила возьмёт...
Ну а если попробуют тронуть —
То в сарае зарыт пулемёт...

Голод

Я попал под статью, под расстрельную —
Корку хлеба для брата стащил.
И чекист своей речью похмельною
Брать чужое меня отучил...
Но не зря же бросал я монетку,
Вдруг опять в этот раз подфартит,
Дядька строгий меня – малолетку
За ту корочку хлеба простит...

Получилось, как мне и хотелось —
Двадцать пять. И всего ни чего!
Выйду я молодым, хоть и белым,
И найду, несомненно, его...
Если выжил, конечно, братишка,
В тот голодный, в тот памятный год.
Если нет, значит, был тоже лишним
Для кого-то тот маленький рот...

Мешок картошки

Я мужик по жизни
Не скандальный
И к тому же я совсем не вор...
– Ну, мешок картошки на базаре
Прихватил...
Об этом разговор?
Так меня там сами попросили
Я вот им как вроде бы донёс...
А выходит тут же настрочили
На меня свой пакостный донос!

Гражданин начальник, отпустите!
Дома детки. И все есть хотят...
Вы мешок картошки мне простите,
А на небе этот грех простят...
– Ну, нахал, ты Федя, ну ей богу!
А вчера кто с гречей куль увёл?
– А там гречи точно было много?
Нет, не я. Ну, ладно я пошёл...

– У меня ты, воровская рожа,
Далеко от седова пойдёшь...
В порошок сотру и уничтожу,
В лагерях навечно пропадёшь!

...До чего они до препирались,
Комиссар весь мокрый,
Как с дождя,
Но с мешком картошки разобрались,
И опять почти что и друзья.

И ребята дома снова с полбой —
А картошка классная еда!
Хорошо, что не вlepили по лбу,
Вот была беда бы, так беда!

Восемь ртов не в первый раз голодных...
Мамка в медсанбате день и ночь...
Власть, она у нас хоть и народная,
Но навряд ли хочет мне помочь...

Хорошо, что гражданин начальник
Мне совсем не друг, а старший брат,
А иначе был бы я, опальный,
Восемь раз растрелянным подряд
С того дня, когда пришёл в станицу,
Шашками порубанный не раз...
Мне сказал тогда брат: за границу
Может, ты подашься впрямь сейчас?..

Ну, куда же я от них уеду!
Пусть я враг народа. Ну и что?
Кто тогда накормит их обедом?
И не ты, и, в общем-то, никто...

Ты мне не мешай, братан, покуда.
Подожди, детишки подрастут,
Больше воровать и сам не буду.
Ну, а там хоть в рай, а хоть под суд...

Хочешь, напишу, чтоб не забылось?
А пока пора мне...

– Воровать?

– А мешка на долго ли хватило?

Ведь не с голодухи ж помирать...

...Было это всё давно, в двадцатых...

Был отец мой среди тех детей...

Выжил он один со старшим братом...

А была бы крепкая артель!

Он умер!

В тот день он умер. Отошёл от жизни.
От революций отошёл и прочих дел.
Была зима в своём привычном виде —
Январь творил морозный беспредел.

И толп осиротевшего народа
Ещё пока не видно. Лишь в Кремле
Вожди решали чинно, благородно
Предать ли Революцию земле?

Но партию предать и он не может —
Так пусть живёт он – смертью смерть поправ!
Родной стране бессмертием поможет,
Народную любовь сполна познав...

И лишь один усатый мысль лелеял
Теперь он без него не пропадёт :
Уж если будет Ленин в Мавзолее —
Туда товарищ Сталин попадёт!

Всё вышло так, как новый вождь задумал
И красный терем вырос у Кремля
Как раз напротив нынешнего Гума...
Видать, напрасно ждёт его земля
Того кто умер в день январский давний...

Лежит всем на показ почти сто лет
Давно не человек, а просто Знамя
Побед великих и великих бед...

Марсово поле

Огонь на поле Марсовом...
Погост большевиков,
Тех, кто в идеях Марксовых
Был сжечь себя готов.
Кто верил фанатично —
Его идеям жить...
Среди домов столичных
В могилу положить
Готов был все сомнения
И годы и века
На вечное забвение,
С венками от ЦК.

И как маяк из прошлого
Огонь пока горит,
Забывтый и заброшенный,
А был ведь Фаворит!
На праздники ходили
Сюда большой толпой
И речи говорили
О памяти в запой.

...А вышло всё иначе —
Нет ни цветов, ни масс,
И лишь на небе плачет

Напрасно красный Марс...

Забытая война

Давно забытая война.
Давно истёрлись имена
На их могилах и крестах
И у народа на устах
Тех безымянных всех солдат...

И мы уже не помним дат
Великих и побед и бед.
Их помнит только старый дед,
Который с веком был рождён,
Как был народ наш побеждён...

Но не врагом – самим собой,
Который шёл с собой на бой
И вновь в стране была война,
Но это не его вина.

А может это божья кара?
И выстрадала всё не даром
Россия наша? Чтобы впредь
Бездарно вновь не умереть...

Август четырнадцатого

Бьёт набатом колокол церковный...
К Храму потянулись казаки...
Из Новочеркаска сам полковник...
В августе дороги не легки...
Солнце превратилось в ад небесный...
И сторит, похоже, урожай...
Что за весть привёз он, интересно...
А мне дед сказал: соображай —
Атаман приехал, значит, войско
Собирать, похоже, нам пора...
И средь баб пошло вдруг беспокойство:
Началась война... Ещё вчера...

Воевать нам, казакам, привычно.
За страну, за Веру, за царя
Повоюем! Будет всё отлично.
Вы не беспокойтесь, бабы, зря!
И ушёл за Дон отряд с рассветом
И с тех пор прошло уж много лет
Бабы ждут. А казаков всё нету
И станицы нет. Лишь сельсовет...
Власть чужая, красная явилась...
Снова август. Адская жара...
Хорошо, что это мне приснилось,
А ведь было, словно бы вчера...

Утро туманное

Как над Доном тихим утро разливалось,
Белыми туманами окутав берега,
До войны проклятой и дня нам не осталось,
Но о том не ведали мы с тобой пока...

По степи широкой всю ночь прогуляли
У затона тихого простились – как всегда...
А там за горизонтом – там уже стреляли
И с лихою вестью мчалась к нам беда...

Вся станица вздрогнула от звона колокольного
В первый раз проснулась, сны не досмотрев,
В это утро кончилась вольница нам вольная
И призвал царь-батюшка на войну нас всех...

Дело наше правое – воевать со славою
За Россию – матушку – мы ведь казаки!
Для тебя же, Любушка, в этом деле главное
Дождаться нас живыми... Верно, мужики!

...Пролетело лето, а за ним второе
И ещё три осени, а потом зима...
Но в станицу дальнюю не пришли герои
Вместо них вся в красном пришла война сама...

Бабы снова в белом – плачут неумело
Разучились, видимо, даже горевать...
Иль давно привыкли. То красные, то —белые,
А свои родимые, где же? Как узнать?

...А над Доном тихим утро вновь туманное
И где-то за туманами чьи-то кони ржут...
Вновь не спит станица вся в это утро раннее
И который год уже здесь казаков всё ждут...

Всё это уже было

За окном купе летят станицы,
Промелькнул и скрылся тихий Дон.
Может быть, всё это мне лишь снится,
И мой поезд – это только сон?
Сон, который был когда-то явью,
И я в нём, по-прежнему, живу:
Вот я на коне на переправе,
Или это – просто дежавю?

Лица за окном мне так знакомы,
Только я не помню – почему?
Всё как было. Правда, нет Укомов,
А вокзалы те же по всему.
Та же степь, что помнит поимённо,
Всех кто пал здесь. Их не перечесть.
Помнит и трёхцветные знамёна,
И меня, пока живого, здесь...

...Только я не помню, почему-то,
Кем я был в том яроственном году,
И как шёл в атаку летним утром,
И, быть может, до сих пор иду.

В последний раз

Я в час вечерний выйду в поле чистое
В последний раз свободой подышать,
Чтоб утром ранним вместе с коммунистами
Уйти их несвободу защищать...

Пока же полежу в траве высокой
На звёзды в тёмном небе посмотрю
И вспомню своё детство недалёкое,
Которое уже не повторю...

И вспомню ту девчонку синеокою —
Богиню из соседнего села,
С которой революция жестокая,
Меня навек теперь уж развела...

И попрощавшись с жизнью своей вольною,
В последний раз берёзку обниму...
И полетит душа в поля раздольные,
Чтоб больше не достаться никому.

Ну, что ж, пора, похоже, время вышло...
Когда-нибудь в другие времена,
Сюда придёт совсем другой мальчишка,
Но, может, будет и другой страна?

Красное и белое

Разошлись у нас пути, похоже...
Ты пошёл на право – я налево.
К красным ты пришёл. Выходит, боже,
Мне теперь осталось только к белым...
Красное и белое в бокалах
Терпкое и сладкое вино...
Красная и белая досталась
Нам судьба – всем и давным-давно.

Вот уж век на красное и белое
Делим жизнь чужую и свою.
Чтобы мы хорошего не сделали,
Нам опять покоя не дают
В наших снах то красные, то белые,
Мы в атаки ходим до утра —
Есаулы brave и смелые,
Комиссары. С криками «ура»...

А за что воюем? За Россию...
Долго ли воюем? Целый век...
И откуда зло берём и силы...
А в Донецке красно-белый снег...
Век пройдёт, но красное и белое
Никогда не кончится вино..
И себя мы, жаль, не переделаем...

Видимо, нам это не дано.

Брат на брата

Вороньё слетается.
Чёрным небо сделалось.
По степи гуляет
Бабка Смерть с косой.
В той степи сражаются
Красные и белые
И умылась степь донская
Кровью как росой.

Там три дня, три ночи
На смерть бились братья,
Силушкой померявшись,
В землю полегли,
Чтоб в степи донской той
Навсегда остаться.
Только помириться
Братья не смогли.

А в станицах дальних
Все их ждут с победою,
За победу ставят
Свечи к Образам,
Только вот не знают,
Только вот не ведают,
Да и Бог про это

Им не рассказал.

Про войну гражданскую,
Как шли брат на брата,
Как за дело правое
Каждый воевал,
Как прибрал на небо
Он их безвозвратно
На последний в той войне
Вечный их привал.

А над степью кружится
Вороньё проклятое,
Разлились над степью
Чёрные дымы.
Всё вернулось снова,
Снова брат на брата...
И в бою смертельном снова
Только теперь мы.

Вчерашний сон

Вчера приснилась мне война.
Сквозь сон куда-то мчались кони
Под их копытами страна
Стонала раненной в агонии...

Сходились в поле брат на брата
Мелькали головы и шашки...
И я ни в чём не виноватым
С душою чистой нараспашку.

Стоял в том поле. Весь в крови.
Чужой крови. Тягуче-тёплой...
А где-то пели соловьи
И отпевали тех, в окопах...

Гуляла смерть, войдя в азарт...
А Бог молчал, взирая сверху
Иль потерял он речи дар?
Иль мне устраивал проверку...

И этот сон совсем не сон —
Всё рядом и наган и шашка
И вороньё со всех сторон...
А в окровавленной рубашке
Стоял совсем не я. Другой...

И хоть поверить в это трудно-
Всё снова будет: кровь и бой,
И Бог взирающий оттуда...

На Дону

Разделил Россию
Старый тихий Дон
Только небо синее,
Что со всех сторон,
Ну, никак не делится
С Солнцем пополам,
Под ногами стелется
Степь и там и там...

Красная и белая
Нам на всех судьба.
Тех, кто выбор сделали,
В бой зовёт труба.
В небе синем чёрные
От костров дымы.
Мёртвые, но гордые
Здесь остались мы...
И холмы могильные

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.